

Кшуманцян Пиргуж, Маризь Кемаль, Эрюшонь Вежай и др.) и контактировать с языческими лидерами других народов Поволжья, в том числе Республики Марий Эл, значительная часть коренного населения которой поныне не крещена. Это, конечно, не говорит, вопреки предположениям некоторых авторов, о формировании некоего "межнационального союза" с язычниками из Республики Марий Эл, могущего в перспективе превратиться в определенное духовное ядро единения поволжских народов на основе язычества.

ЭО, 2007 г., № 2

© **С.В. Соколовский**. Рец. на: *Aimar Ventsel. Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village*. В.: Lit Verlag, 2005. 367 p. (Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. Vol. 7).

Очередной том серии "Антропология Евразии", инициированной Институтом социальной антропологии им. Макса Планка в Халле, отражает результаты годового пребывания в Республике Саха (Якутия) эстонского антрополога, обучавшегося в Берлине и Халле. Около восьми месяцев Аймар Венцель провел на крайнем северо-западе республики, в Анабарском р-не, кочуя с оленеводами-долганами из пос. Юрюнг-Хая, а также посещая охотничьи участки и рыболовные стоянки. Целью исследования стало "изучение стратегий, используемых людьми в их повседневной жизни для того, чтобы справиться с изменениями периода постсоциалистических трансформаций". Переход от плановой к рыночной экономике оказался особенно сложным для населения и хозяйства районов Крайнего Севера, зависящих от дорогостоящих поставок оборудования и топлива. Автор демонстрирует не только инерционное влияние прежнего экономического уклада, но и использование людьми "формальных и неформальных связей, в том числе родственных, для обретения доступа к необходимым ресурсам и их распределению" (р. 1–2). Особое внимание уделяется "трансформации отношений собственности и инструментальному использованию традиций в условиях, когда формальные институты перестали функционировать" (р. 2).

Книга написана на основе диссертационной работы автора, защищенной в университете г. Халле в феврале 2005 г., и состоит из девяти разделов: введения с изложением общих географических и экономических характеристик исследуемого региона, используемых в работе методов (включенное наблюдение, неструктурированные интервью и беседы, анализ социальных сетей) и обзора литературы, семи разделов с рассмотрением некоторых тем, представляющихся автору ключевыми для достижения поставленной цели, и заключения.

Уже во введении А. Венцель затрагивает теоретически важный вопрос о традиционном противопоставлении хозяйственных укладов охотников и оленеводов (шире – скотоводов), отмечая вслед за А. Барнардом наличие континуума и взаимозависимости между этими видами хозяйствования. Культура оленеводов уникальна в этом отношении, поскольку одно и то же животное выступает и как домашнее (у охотников – транспортные олени), и как объект охоты, а в пастбищных ресурсах нуждаются и охотники, и оленеводы. В Анабарском р-не дикие и домашние олени пасутся на одних и тех же пастбищах, и использование тех и других в качестве ресурса не представляет собой альтернативных стратегий (р. 39–40 et al.), как это часто описывается в антропологической литературе, противопоставляющей охотников-собирателей кочующим скотоводам. Особенности управления общими ресурсами (оленьями, пастбищами, охотничьими угодьями) становятся ключевыми темами, исследование которых позволяет автору с иной стороны увидеть функционирование комплексного охотничье-оленеvodческого хозяйства на севере Якутии.

Во втором разделе А. Венцель анализирует историю отношений собственности и социальных связей в Анабарском р-не за три последних века (XVII в. – 1917 г.; 1917–1930-е годы; 1945–1991), уделяя особое внимание региональным особенностям оленеводства и охоты и основывая

свой обзор на публикациях, статистических отчетах и личных воспоминаниях о разных периодах в жизни района и республики в целом. Рассмотрение истории предоставляет тот контекст, в рамках которого затем рассматриваются новейшие экономические и правовые реформы (разд. 4 "Сельскохозяйственный ландшафт"), потребовавшие от жителей района адаптации к новым условиям и максимального использования тех социальных и природных ресурсов, которыми они располагали. Закон о кочевой родовой общине был принят в Якутии еще в 1992 г., однако община не стала единственным или наиболее распространенным способом реорганизации сельского хозяйства как в республике, так и в рассматриваемом районе. Существовавшие на территории района совхозы стали муниципальными унитарными предприятиями; собственность и форма организации остальных хозяйств часто определялись внешними факторами: временем регистрации, политикой администрации, наличием государственных займов и т.д. (р. 94). Автор анализирует различные формы предприятий и собственности на собственных полевых материалах (р. 99–122).

Неформальные структуры контроля над территорией и ресурсами становятся предметом рассмотрения в следующем разделе монографии, озаглавленном "Этнография Родины" ("The Ethnography of Rodina", р. 125–148). Освоенный человеком или его родственниками участок тундры ассоциируется с Родиной; его хозяевами выступают люди, издавна проживающие здесь и использующие местные ресурсы (охотничьи, рыбные, пастбищные). Этот неформальный статус хозяина негласно признается и официальными властями, устанавливающими границы между территориями оленеводческих бригад, охотничьих угодий и т.п. Значение родственных связей при доступе к различным ресурсам обсуждается автором в разделе "Традиции взаимности", фокусом которого становится инструментальное использование традиций в условиях кризиса формальных структур распределения ресурсов. Продолжением темы экономического обмена и взаимности является рассмотрение роли домашних оленей в социальных взаимосвязях и функционирование традиции дарения оленя как стратегии создания и поддержания социальных сетей (раздел "Олень и социальные отношения"). А. Венцель подробно рассматривает приручение, выпас, селекцию и содержание оленей в контексте социальных отношений оленеводческих бригад и охотников.

В седьмом разделе монографии объектами анализа становятся этничность и локальные идентичности. Выделяя в качестве группообразующего фактора "общность судьбы" и классификационные усилия государства, автор обнаруживает у долган Анабарского р-на то, что он именуется "эфемерностью этничности" (р. 231). Долганы бассейна Анабара говорят на особом диалекте, отличающемся от диалекта этнографически более изученной группы таймырских долган. В 1950-е годы многие этнографы (И.С. Гурвич, П.Е. Терлецкий, М.М. Сулов) не рассматривали эту группу как долганскую, но относили ее либо к северным якутам, либо к эвенкам и эвенкам. Множественная идентичность и включенность в разные "мы-группы", обнаруженная А. Венцелем у жителей "единственного чисто долганского поселка Якутии" Юрюнг-Хая (р. 233), носит ситуативный и спонтанный характер и зависит также от включенности в конкретные социальные сети.

Структуры и методы социального контроля, поддержание общественного порядка силами общины, контролирование насилия и преступности рассматриваются в восьмом разделе книги. Это темы, к которым российские этнографы, изучающие современные группы коренного населения, обращаются редко. Автор показывает, как социальные статусы, традиционный (положение в половозрастной и родовой иерархии) и "советский" (положение в прежней администрации, бывшее членство в КПСС), взаимодействуют в ситуациях урегулирования конфликтов. Рассматривается и роль неформальных сетей в обеспечении порядка и саморегулировании социальных связей. В заключительном разделе А. Венцель суммирует свои наблюдения за процессами постсоциалистических трансформаций в социальной и экономической сферах, подчеркивая роль социальных сетей, основанных на родственных связях, в хозяйственной деятельности общины и обеспечении социального контроля.

Книга иллюстрирована фотографиями автора, картами, снабжена указателем и кратким резюме на русском языке. Один из ее недостатков – значительное число опечаток и ошибок в

транслитерации русских терминов и предложений (книга нуждается в редактуре русскоязычных текстов). Однако это не умаляет главного достоинства книги: автор стремится рассматривать все поднимаемые в исследовании проблемы на широком сравнительном фоне, привлекая данные не только из литературы по другим арктическим обществам и культурам, но и по группам охотников, собирателей и скотоводов других регионов. Российские североведы традиционно включали в исследуемые ими сюжеты вопросы экономической антропологии, и рецензируемая монография, выполненная как этнография конкретной общины, на мой взгляд, является хорошим продолжением этой традиции.